

Кривень Е.А.

Политика без фигуры врага: Жак Рансьер против Карла Шмитта.

Как бы мы не определяли понятие политического, чаще всего мы обнаружим в его структуре фигуру спора, конфликта, столкновения. Если мы не сводим политику к управлению, к сфере того, что Карл Шмитт или позже Мишель Фуко назовет полицией, нам откроется полемическая природа политического. Полемика может разворачиваться в разных плоскостях, и, упомянутый выше Шмитт, крайне озадачил политическую мысль, показав неизбежность экзистенциального измерения политического. В данной статье, мы предпримем попытку представить альтернативный вариант развертывания политического спора, позволяющий избежать фигуры врага и лишить политическое противостояние экзистенциального характера. В дни, когда Европа стоит перед новыми вызовами национализма, культурных конфликтов, перерастающих в военные действия, нам представляется особенно актуальным привести очередной аргумент против политики, образующейся посредством фигуры врага, чужого.

Специфически политическое различие, к которому можно свести политические действия и мотивы, согласно Шмитту – это различие друга и врага. Это различие потенциально имеет место в любой сфере человеческой деятельности, когда же это различие достигает определенной степени интенсивности - оно становится политическим. В этой схеме мы имеем дело с экзистенциальным противостоянием, враг-это инобытие которое угрожает моему собственному существованию, и потому в наивысшей точке этого противостояния выжить должен кто-то один. Логично, что пределом политического как такого противостояния оказывается война: "война следует из вражды, ибо эта последняя есть бытийственное отрицание чужого бытия"¹, пишет Шмитт.

Концепция политики французского мыслителя Жака Рансьера при первом приближении кажется совершенно несопоставимой со шмиттовской. Тем не менее, опустив некоторые детали, можно заметить одну особенность, которая определяет подход французского мыслителя: он всеми силами пытается вывести политическое из экзистенциальной плоскости. Политика для Рансьера есть место столкновения полиции, которая как раз работает с тем, что имеется в наличии, с фактичностью, и свободы, которая оперирует множеством возможностей. Политика она располагается в месте "зазора" между фактической идентичностью, предписанной полицейской логикой и идентичностью символической, которую присваивает себе политический субъект. Так, политика рождает новых субъектов, которые каждый раз используют новые, не связанные с фактичностью имена. То есть политика формирует субъектов, которые фактически не существуют, субъекты политики у Рансьера не имеют онтологического статуса.

Рансьер полагает, что он "переизобретает" политику, хотя на наш взгляд, он скорее возвращается к первой известной европейцам ее форме - в греческий полис. Известно, что Аристотель отводил для политики особую сферу: он называл ее публичной. В ней действовали свои законы, и главным из них было равенство. Это, в свою очередь было главным условием той игры, которую мы назовем политикой. Политика для Аристотеля общение равных, но он, как и его современники знал, что физически, от рождения люди

---

¹ Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 43

не равны: в силу своих физиологических способностей, воспитания, финансового положения. Собственно политическое пространство, таким образом, это искусственно созданная сфера, в которой равные между собой члены сообщества могут свободно использовать свои высшие в понимании греков способности: способность к речи и действию. Участники этого пространства предстают только в одной ипостаси - они граждане. Все, что касается благосостояния, семьи и прочего остается за пределами полиса, как политического пространства. Таким образом, в публичной сфере действуют странные субъекты - граждане, которые в пределах этого символического пространства предстают равными, вне зависимости от любых фактических показателей - достатка, возраста, здоровья.

Собственно, такова специфика политического субъекта Рансьера - он никогда не обладает онтологическим статусом, он всегда берет имя, которое ему не принадлежит. Политика возможна лишь тогда, когда образуется зазор между фактической идентичностью и той идентичностью, которую они сами за собой признают. Рансьер приводит пример лозунга студенческой демонстрации: "Мы - немецкие евреи". Имя политического субъекта всегда невозможно, оно не укорено в фактичности. Этот лозунг есть метафора самой политики для Рансьера: политика возникает из-за несостыковки реального и символического порядка учитывать

Итак, Рансьер предлагает альтернативу экзистенциальному противостоянию, альтернативу фигуре врага. Рансьер обнаруживает искусственность политики - в том смысле, что нет никакой биологически детерминированной причины, для того, чтобы политика была. Эта политика лишена прочной почвы, которую могла бы ей предать укорененность политического в самой природе человека, как это представлено в работах Шмитта. У этой политики нет основания - то есть причины безусловной и необходимой, которая взывает политику к существованию. Политика без цели и без причины, она совершенно искусственна, Рансьер не пытается скрыть это. Вражда имеет более глубокие основания, это более древняя форма. Рансьер называет эти способы архаическими. Но вражда заканчивается войной, и мы имеем другой подход к политике, который вновь и вновь заявляет о себе - тот, что подводит вражду, войну и политическое под одно основание.